

— Вам хоть раз рекомендовали гостей в качестве «принудительного ассортимента»?

— Ни разу. Мне могут запретить, но навязать... Нет.

— Запрещали!

— Не запрещали, но бывали цензурные ножницы.

— Существует мнение, что в России, чтобы прославиться, достаточно говорить правду.

— У нас есть тысячи, десятки тысяч людей, которые говорят правду, и о них никто не знает. Тут, увы, и вина ТВ: оно может создать славу кому угодно и не заметить очень интересного человека. Взять хотя бы тот же мир науки — людей, нестандартно мыслящих, никто не знает. Экран отдает лавры певцу Муромову или Серову, но их талантливых сограждан в медицине, в другой области экран не замечает.

— Это опасно: если передача оказывается в руках «мафиозных», то идет прославление людей своего круга!

— В таком случае меня могут причислить тоже к какой-нибудь «мафии». На днях меня попытались обвинить в том, что я проталкиваю в эфир людей, мне знакомых, в частности, моего педагога по русской литературе, у которого я учился в университете 20 лет назад.

— Неужели вас обвинили в «мафиозности»?

— Пока лишь во вкусовщине.

— Но ведь раньше вашему вкусу доверяли полностью! К вам изменилось отношение руководства?

— Что ж, меняются времена и люди.

— Приходилось ли вам вашу передачу пробывать?

— Нет, напротив. Меня пригласили на ТВ в 1987 году, чтобы я делал утреннюю передачу. Утренняя не получилась, мы сделали ночную. Первая передача подверглась критике, но сразу как-то пошла дальше.

— А где вас нашли?

— Я всю жизнь работал в Агентстве печати «Новости».

— В двух словах: о чем ваша передача?

— О людях.

— А применительно к шаржу «Взгляда», назвавшего вашу передачу «До и после революции»?

— Это не совсем так. Главные герои — это люди, которые приходят в студию. Они разные. Ну а та часть передачи, которая «до Октября», — тоже очень важна. Истинную историю России мы так и не знаем. И я очень благодарен Алеше Денисову, который эти страницы нам помогает читать. Я ему завидую: ему двадцать пять, он воспитан по-другому, чем я, он более свободен. А я уже заранее знаю, чего нельзя писать, что мне исправят. У него нет внутреннего цензора.

— Сколько человек делает передачу?

— Десять. Корреспондентов постоянных — три.

— Вы не думаете расстроиться?

— Я хотел бы, чтобы были новые лица и новые имена.

— Как вы видите свое будущее?

— Журналистом.

— Чего вы боитесь?

— Летать на самолете. Потом страданий близких людей. Боюсь быть смешным. И боюсь, что про меня когда-нибудь скажут, что я был подонком.

— Смешным в чем?

— В своей слабости, бездарности.

— Как вы пытаетесь это предотвратить?

— Домашней работой.

— Вы много репетируете!

ких условиях. Они что видят, то и поют. В общем, в этой области мы вполне конкурентоспособны.

— Вы ведущий такой же программы, какая есть в Америке. В чем разница между нашим ведущим и американским?

— Такой же ведущий Эй-Би-Си, как я, получает 600 тысяч долларов в год. Я подвозил его на своей машине, которую завел с третьего раза. Он, наблюдая за моими усилиями, воскликнул: «Какая странная машина! Другой нет!»

Я был в Америке, когда произошла авария на Чернобыльской АЭС. Все подробности мы выпытывали у американцев.

раф. Но в то же время я страдаю от своей беспомощности перед людьми, когда они обращаются с более серьезными просьбами. Я в состоянии показать на экране самосожженица, но что могу сделать для него еще?

— Кто близок вам из кинорежиссеров?

— Анджей Вайда.

— Импонирует вам, что Вайда ушел в политику?

— Смотря почему? Я очень уважаю, например, Губенко, очень люблю его как режиссера, а вот жест Губенко, который становится министром культуры, мне непонятен. Как можно культурой руководить? Его ведь не заподозришь в

Чтобы это мне было интересно. И маленький театр может иметь постоянного зрителя.

— Цензура у нас еще не отменена. Почему вам доверяют прямой эфир: цензор у вас внутри?

— Если цензор сидит внутри нас, то все неприятности после прямого эфира.

— Пример!

— Например, интервью с главным редактором «Аргументов и фактов» Владиславом Андреевичем Старковым в последней передаче, после которого потребовалось серьезно объясняться с руководством.

— Прямой эфир — это страшно!

всегда сопутствует, когда выпускаешь передачу. Моя мама помнит 37-й, ее исключали из театрального училища. Она постоянно говорит: «Тебя арестуют, тебя посадят». Ни один ведущий на сегодняшний день, будь то Саша Невзоров, мой коллеги из «Взгляда», к сегодняшнему дню не сказали всего того, что хотели сказать.

— А что бы вы хотели сказать?

— Я ничего бы не стал придумывать. Я бы сказал о том, что происходит в стране.

— Какая передача на ТВ нравится?

— Наибольших успехов добились Ленинградское телевидение. Я завидую им, черной завистью, зная их очень низкие технические возможности. И по сравнению с тем техническим уровнем, на котором работают на Центральном ТВ. Это — честные и откровенные передачи.

— Их передачи-достижения!

— «Пятое колесо» и «600 секунд».

— Если бы вам предложили выдвинуть свою кандидатуру в народные депутаты, как бы к этому отнеслись?

— Я бы отказался. Работая ведущим программы, которую смотрят миллионы людей, я могу сделать больше, чем если бы я был народным депутатом. Если я не ошибаюсь, так же ответил Невзоров?

— Он вам симпатичен?

— Я считаю его одним из лучших советских телерепортеров.

— Что вы цените в людях?

— Образованность. Я совершенно технически не образован. Я не знаю, что такое электричество, а должен бы знать. Это не моя беда. Это общее плохое образование, которое мы получаем в школе. Дети всего мира учатся на компьютерах, а мы у себя на работе на них играем.

— У вас много друзей?

— Мало. Один рабочий. Один милиционер. И два врача.

— Кто может быть другом?

— Человек, с которым ты можешь молчать.

— Какую музыку вы любите?

— Я рос в атмосфере очень хорошей музыки, поскольку вырос в семье композитора. И что не очень типично для сегодняшнего времени: люблю оперу. Я вырос на спектаклях МХАТа. После спектакля актеры приходили к нам домой.

— Женаты?

— Я женат двадцать лет. Дочке восемь.

— Как вы отдыхаете?

— В Старой Рузе, с тех пор, как стал полунвалидом и пациентом доктора Касьяна.

— Часто ли вы лжете?

— Серьезно — нет.

— У вас есть комплексы?

— Да. Как и у многих моих сограждан — комплекс неполноценности.

— Что ж, давайте вместе от него избавляться...

Г. РЕЗАНОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА.

ПОЛУНОЧНИК

Его передачу ждут и ученые, и рабочие, и домохозяйки. Передачу, которая несет в себе ауру доброжелательности, редкого в нашей жизни качества. Передача.

Комм. правса. - 1989. - 2 экз

— Нет, я вообще не репетирую, но я много готовлюсь. Я стараюсь все узнать о человеке, которого приглашаю в студию. Когда я готовился к встрече с членом-корреспондентом Академии наук, лауреатом Ленинской премии, математиком Шафаревичем, попытался выяснить сферу его математических интересов.

— С кем вы бы хотели встретиться?

— Я когда-то очень хотел сделать передачу о людях, которых уже нет. Это люди, которые представляют целый пласт нашей истории, культуры. С людьми умершей эпохи — с людьми умершей духовности.

— Духовность, как категорично, нельзя измерить, но, видимо, этот слой сегодня слишком тонок?

— Слишком. Был подорван генофонд страны. В моем представлении, истинных интеллигентов очень мало. Это самая незащищенная особь человечества. Интеллигенты, как северные народы, вымирают.

— У вас есть кумир?

— Когда мне было тринадцать лет, я вел дневник. Я написал тогда, что в моей жизни есть два кумира: Борис Александрович Петров — хирург и Джон Кеннеди, которого сейчас отношу к числу самых умных политиков.

— Вы довольно долго жили за границей. Чем отличаются советские журналисты от иностранных?

— У нас талантливые журналисты. И в застойные годы мы имели такую блестящую плеяду журналистов, как Бовин, Каверзнев... Сказать ничего было нельзя, а они все-таки что-то говорили. Для этого надо иметь огромный талант. Западным журналистам никогда не приходилось работать в та-

Это выглядело странно, нам было неловко. А делегация наша состояла из серьезных журналистских величин: Владимир Ломейко, Бовин, один из руководителей ТВ Кравченко. Мне было стыдно, что люди, делающие информацию, отвечающие за нее, ничего не знали.

Мне не нравятся американские телеведущие. Они хорошо подготовлены. У них красивая речь, красивые зубы, но я не вижу людей. А каждую программу должен делать человек, тогда она приобретает индивидуальность. С положительным ли, отрицательным ли обаянием, но человек.

— О чем вы мечтаете? До какого времени хотели бы дожить?

— Я мечтал бы дожить до того времени, когда бы видел свою дочь абсолютно свободным человеком.

— Верите ли вы в Бога?

— Верить или не верить — об этом нельзя говорить вслух.

— Может ли коммунист верить в Бога?

— Опыт других стран, компартий говорит «да». В некоторых западных компартиях членами компартий являются священники. Людей верующих в нашей стране в 3—4 раза больше, чем членов КПСС, и они вправе иметь свою программу, ТВ, свое издательство.

— Как вы относитесь к своей популярности?

— На ТВ очень легко заболеть «звездной» болезнью. И вообще нравы телевидения я определил, как нравы областного драмтеатра. Придя в тридцать шесть лет на ТВ, может, в силу моего воспитания, которое дали родители, я по-прежнему не разучился стесняться. Меня раздражает, когда я с дочкой гуляю по Арбату, ко мне подходят бесцеремонные люди и просят автог-

дачу, одновременно интеллектуальную, смелую и эlegantную. Наш собеседник — ведущий «До и после полуночи» Владимир МОЛЧАНОВ.

политическом карьеризме. Значит, он надеется что-то сделать. А что можно сделать?

— По-вашему, руководить культурой нельзя!

— Нельзя. Можно только помогать. Губенко из той породы, которые действительно еще пытаются что-то сделать.

— Какой у вас прогноз на счет будущего нашей страны?

— Мне кажется, что она повторит путь Польши. Только у нас путь эволюции всегда более драматичен. Те шахтеры, которые сегодня бастуют в Воркуте, могут стать в будущем членами правительства. Пять лет назад Мазовецкий сидел в тюрьме, а нынче мы его приветствуем на вокзале...

— В этой ситуации в чем задачи журналистов?

— В порядочной, честной работе.

— Но ведь совершенно честно можно цитировать и слова лживые, вредные!

— Мне довелось встретиться с Шостаковичем. Я только что закончил университет. Услышав, что я стал журналистом, он сказал: «Боже, какой ужас. Вам придется всю жизнь цитировать чужие слова...» У нас действительно очень странная профессия. Но сегодня журналист должен сказать что-то свое. Получится — хорошо.

— Как долго вы намерены работать на ТВ?

— Столько — сколько передача будет интересна зрителю. И сколько она будет интересна нашей творческой группе. И сколько позволит — поскольку я работаю в государственном идеологическом учреждении.

— Какая альтернатива на ТВ вам видится? Вы перешли бы, допустим, на кабельное ТВ?

— Мне в принципе все равно, где работать. Мне важно, чтобы я мог что-то говорить.

— Очень. Ты сидишь перед миллионами людей и можешь вдруг ничего не сказать. Одно телекомментатора увезли из студии в состоянии комы.

— У вас есть настольная книга?

— «Черная шкатулка» чешского сценариста Людвика Ашкенази. Для меня это шедевры публицистики.

— Был ли в вашей творческой жизни звездный час?

— Были какие-то маленькие достижения... Творческие радости.

— Как вы относитесь к тому, что ваши рубрики, сюжеты копируют?

— Это плохо говорит в целом о сегодняшней журналистике: мы прокручиваемся. Все стали в чем-то повторять друг друга.

— Самая неудачная, на ваш взгляд, передача?

— «120 минут».

— Почему?

— Это не та передача, которая должна быть по утрам. Она вялая. Мы выходим в эфир, когда справочные службы еще не работают. Когда Допорес Ибаррури умерла, я не мог найти ее фотографию. Те же опухшие режиссеры, которые ночью выдали в эфир передачу, не ложась спать, работают снова.

— Какой бы вопрос вы задали самому себе?

— Насколько я свободен в том, что я сегодня делаю. С точки зрения руководства Гостелерадио, я свободен на сто процентов, с моей точки зрения, свободен всего лишь на 10—15. Ибо я выхожу из брежневской школы журналистики — у меня цензор в крови, в сердце, в почках, — и это очень трудно очистить.

— А что бы вы пожелали другим ведущим?

— Меньше страха, который